

ПОНЯТИЯ "ЧЕСТЬ" И "ЖАЛОВАНИЕ" В РУССКОЙ ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ХАРАКТЕРА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РУСИ И ОРДЫ В XIII И XIV ВВ.

Ю. В. Селезнев

Воронежский государственный университет

Статья посвящена анализу изменения смыслового восприятия русско-ордынских отношений на протяжении XIII—XIV вв., выразившегося в изменении терминологии, на примере понятий "честь" и "жалование".

Оформление вассальных отношений русских княжеств к Орде вызвало определенные оценочные характеристики данного события. Особо подчеркивался статус русских князей в системе ордынской политической иерархии.

Целью данной работы является выяснение изменения смыслового восприятия русско-ордынских отношений на протяжении XIII—XIV вв., выразившегося в изменении терминологии, встречающейся в источниках.

Постановка проблемы оправдана, поскольку, как отметил В. В. Колесов, "...есть понятие, которое воплощено в имени, в слове... Понятие и суждение как формы мысли свойственны разным народам, если не всем, а слова и предложения в разных языках различны, языками мы отличаемся друг от друга, это формы воплощения сознания и мышления"¹. При этом "...взаимосвязь слова и текста есть диалектическое единство сущности и явления, которые необходимо рассматривать в их развитии"².

Для поставленной проблемы ключевыми понятиями будут "честь" и "жалование".

Как показывает анализ источников для XIII столетия, при определении характера отношений русских князей и ордынских ханов ключевым является слово "честь".

В частности, Лаврентьевская летопись, основой которой послужил свод 1305 г. великого князя Михаила Ярославича Тверского³, содержащая в основном владимирское летописание, отмечает начиная с 1243 г., что русские князья возвращаются из Орды

с честью: "Батыи же почти Ярослава великого честью и мужи его и отпусти и рече ему: Ярославе буди ты старей всех князей в Русском языке. Ярослав же възвратися в свою землю с великою честью"⁴; под 1244 г. "Князь Володимерь Костянтинович, Борис Василькович, Василий Всеволодич и с своими мужи поехаша в Тата[ры] к Батыеви про свою отчину. Батыи же почтивъ я честью достоиную я расудивъ имъ кождо в свою отчину и приехаша с честью на свою землю"⁵; под 1245 г.: "Князь Костянтинь Ярославичъ приеха ис Татар от Кановичъ къ отцу своему с честью"⁶; под 1246 г.: "Сартак же почтивъ князя Бориса отпусти я в своя си"⁷; под 1247 г.: "Поеха Андреи князь Ярославич в Татары к Батыеви и Александр князь поеха по брате же к Батыеви. Батыи же почтивъ эю и посла я г Каневиче"⁸; под 1249 г. "Поеха князь Глебъ Василкович в Татары к Сартаку. Сартак же почтивъ и отпусти и в свою отчину"⁹; под 1250 г. "Поеха князь Борисъ к Сартаку. Сартак же почтивъ отпусти и в свою отчину"¹⁰; под 1252 г.: "Идее Александр князь Новгородский Ярославич в Татары и отпустиша и с честью великою давшее ему старейшинство во всеи братьи его"¹¹; под 1256 г.: "Поехаша князи на Городец да в Новгородъ. Князь же Борисъ поеха в Татары, а Александр князь послалъ дары. Борисъ же бывъ Оулавчия дары давъ и приеха в свою отчину с честью"¹².

К сожалению, из-за механического повреждения в Лаврентьевской летописи не сохранился текст за 1263—1283 гг. Восстановить сведения этих лет

© Селезнев Ю. В., 2006

¹ Колесов В.В. Слово и дело: Из истории русских слов. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. — С. 5—6.

² Колесов В.В. Слово и дело: Из истории русских слов. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. — С. 156.

³ Кучкин В.А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий. М.: 1990. С. 43.

⁴ Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. 2-е издание. М.: Языки славянской культуры, 2001. Стб. 470.

⁵ ПСРЛ. Стб. 470.

⁶ ПСРЛ. Стб. 470—471.

⁷ ПСРЛ. Стб. 471.

⁸ ПСРЛ. Стб. 471.

⁹ ПСРЛ. Стб. 472.

¹⁰ ПСРЛ. Стб. 472.

¹¹ ПСРЛ. Стб. 473.

¹² ПСРЛ. Стб. 474.

позволяют данные Симеоновской летописи. В ней под 1276 г. отмечается: “Царь же *почтивъ* добре князеи Русскихъ и похваливъ велми и одаривъ, отпусти въ свояси съ *многую честью*, кождо въ свою отчину”¹³.

Показательно, что ордынскую *честь* подчеркивает и автор “Жития Александра Невского”, составленного около 1281—1282 гг.¹⁴: в ставке Батыея Александра хан “*почтивъ* же и честно, отпусти и”.

Принятие от хана *честь* фиксирует и Галицко-Волынское летописание. Правда, описывая возвращение князя Даниила Галицкого от Батыея, южно-русский книжник подчеркивает: “О, злее зла *честь* татарская! Данилови Романовичю, князю бывшу велику, обладавшу Рускою землею: Киевом и Володимеромъ и Галичем со братомъ си, инеми странами, ныне седить на колону и холопом называется! И дани хотятъ, живота не чають. И грозы приходять. О, злая *честь* татарская!...”

То есть, и для северо-восточной и юго-западной книжной традиции, несмотря на диаметрально противоположные оценки данного явления, характер подчинения русских князей ордынским ханам определяется в XIII столетии словом “честь”.

В XIV в. происходит замена понятия “честь” словом “пожалование”.

К сожалению, наиболее ранняя летопись конца XIV — начала XV вв. — Троицкая — сгорела в пожаре 1812 г. Однако восстановить сведения летописи можно по данным Симеоновской летописи и Рогожского летописца.

Летопись Симеоновская — летопись конца XV в., сохранившаяся в единственном полном списке XVI в. До 1391 г. близка к Троицкой летописи и вместе с Рогожским летописцем, по мнению ряда исследователей, содержит Тверскую редакцию общерусского свода конца XIV или начала XV века — протографа летописи Троицкой¹⁵.

Летописец Рогожский — летопись первой половины XV в. Единственный список середины XV в. состоит из нескольких частей. Интересующая нас часть за 6836—6882 (1328—1374) гг. представляет собой систематическое соединение двух источников — тверского, сходного с Тверской летописью, и общерусского, сходного с Симео-

новской летописью и восходящего, очевидно, к тексту, близкому к Троицкой летописи. Скорее всего, в его основе лежал протограф Троицкой летописи, а редакция была составлена в Твери около 1412 г.¹⁶

Показательно, что, практически, начиная с XIV в. авторы или редакторы летописи последовательно отмечают именно ханское “пожалование”. Под 1304 г.: “Того же лета на осень князь велики Андреи вышель изъ орды съ послы съ *пожалованиемъ* царевымъ...”¹⁷; под 1329 г. “...божимъ *жалованиемъ* выиде изъ Орды князь Костянтинъ въ свою отчину въ Тферь...”¹⁸; под 1336 г. “князь Иванъ Даниловичъ поиде въ орду; тое же зимы и прииде изъ орды съ *пожалованиемъ* въ свою отчину”¹⁹; под 1338 г. “На ту же зиму выиде изъ орды во Тферь князь Александръ, *пожалованъ* животомъ отъ царя...”²⁰. “...И приать *пожалование* отъ царя, въсприимъ отчину свою”²¹; под 1339 г. “Того же лета и на Русь прииде изъ орды князь велики Иванъ, а въ свою отчину, *пожалованъ* Богомъ и царемъ”²²; под тем же 1339 г. “...а князя Семена и брата его съ любовью на Русь отпустиша, и приидоша изъ орды на Русь *пожалованы* Богомъ и царемъ”²³ и “...Того же лета на Русь прииде изъ Орды князь Иванъ, а въ свою отчину *пожалованъ* Богомъ и царемъ”²⁴; под 1344 г. “...выиде изъ орды князь великии Семень Ивановичъ, а съ нимъ братья его, князь Иванъ, князь Андреи, *пожаловании* Богомъ да царемъ Чинибеккомъ”²⁵; под 1348 г. “прииде изъ Орды на Русь князь велики Семень Ивановичъ съ *пожалованиемъ*, и съ нимъ братъ его князь Андреи”²⁶; под 1348 г. “...постигоша его гонци киличей изъ орды. Онъ (князь Семен — Ю.С.) же възвратися на Москву слышати слова царева и *жалованиа*...”²⁷; под 1350 г. “Того же лета выиде изъ орды

¹⁶ Лурье Я.С. Летописец Рогожский // Словарь книжников и книжности Древней Руси XIV — XVI вв. ч. 2. М.: 1989. С. 22—23.

¹⁷ Симеоновская летопись. С. 130.

¹⁸ Русские летописи. Т.6. Рогожский летописец. Тверская летопись. Рязань, 2000. С. 53.

¹⁹ Симеоновская летопись. С. 138; Рогожский летописец. С. 54.

²⁰ Симеоновская летопись. С. 138.

²¹ Рогожский летописец. С. 55.

²² Симеоновская летопись. С. 138.

²³ Симеоновская летопись. С. 138. Рогожский летописец. С. 57.

²⁴ Рогожский летописец. С. 58.

²⁵ Симеоновская летопись. С. 141; Рогожский летописец. С. 60.

²⁶ Рогожский летописец. С. 61.

²⁷ Симеоновская летопись. С. 143; Рогожский летописец. С. 62.

¹³ Русские летописи. Т. 1. Симеоновская летопись. Рязань, 1997. С. 115.

¹⁴ Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л.: 1965. С. 61.

¹⁵ Лурье Я.С. Летопись Симеоновская // Словарь книжников и книжности Древней Руси XIV—XVI вв. ч. 2. М.: 1989. С. 56—57.

на Русь князь велики Семень съ своею братьею и съ пожалованиемъ”²⁸.

Показательно, что Рогожский летописец, созданный, скорее всего, в Твери, подчеркивает, что “пожалование” исходило не только и не столько от хана, сколько от Бога.

Надо полагать, что изменение терминологии отражало и изменение восприятия характера взаимоотношений князей с верховной ордынской властью.

Каково же было содержание данного изменения?

В первую очередь необходимо отметить, что слово “честь” относится к словам, “которые выражают высшую оценку деятельности или являлись атрибутами высшей власти и силы...”²⁹.

В.В. Колесов отметил, что “По наблюдениям Ю. М. Лотмана, который ссылается на других исследователей, в древнерусских источниках эпохи Киевской Руси *слава* и *честь* различаются сразу по многим семантическим признакам: нематериальное или материальное выражение высшей оценки (при этом слава выше чести), небесное или земное ее выражение (маркирована слава), вечность или временность проявления (только слава вечна, *честь же преходяща*)”³⁰. Кроме того, Ю. М. Лотман отмечает, что “в русских источниках.. честь всегда дают, берут, воздают, оказывают... Честь неизменно связывается с актом обмена, требующим материального знака”³¹.

Слава прилагается к князьям, честь — материальное выражение славы относится к вассалам³². При этом честь “исходит от человека или дается ему”³³.

Содержательную сторону термина “пожаловать”, “жаловать” проанализировал А. Л. Юрганов. В частности, исследователь отметил, что “... Природа монгольского “пожалования” заключалась в том, что, по словам Плано Карпини, “все настолько находится в руке императора, что никто не смеет сказать: “*Это мое или его*”, но все принадлежит императору”, — а потому любой владлец

получал как бы часть родовой собственности семьи монгольского хана во временное пользование”³⁴.

Далее А. Л. Юрганов подчеркнул: “... Любопытно, что слово “пожаловати” является калькой тюркского слова “soyurga”... Монгольский термин “сойургал” в XIII в. означал пожалование государя служилому человеку в самом широком смысле. Источники XIV—XV вв. фиксируют то, что сойургалом называют особый вид земельного владения, которым жаловался человек за службу. Сойургальное владение было наследственным и предполагало наследственную службу одной династии; оно обладало иммунитетом, который защищал это владение “по горизонтали” — от соседних владельцев, которым не разрешалось вмешиваться в управление сойургальной территорией. Иммунитет “по горизонтали” не означал, что это владение нельзя было отнять у владельца (в отношениях “по вертикали”), если по каким-либо причинам прекращалась служба. Владелец сойургала должен был поставлять вооруженных людей в войско сюзерена. Сойургальное владение могло переходить к боковым ветвям тех служилых людей, которые остались без прямых наследников”³⁵.

Кроме того, по наблюдениям А. Л. Юрганова в духовной Ивана Грозного “... Упомянутые распоряжения относительно тех лиц, которых царь жаловал, никоим образом не относятся к распределению земли в общегосударственном масштабе. Эти лица упомянуты в завещании не потому, что им что-то царь завещает, а потому, что по тем или иным причинам он желает оговорить статус пожалования вотчин, находящихся в верховной юрисдикции всей семьи государя. Значит, первейший слой аристократии Русского государства не входил в тот круг людей, между которыми и происходит деление страны на части или уделы. Аристократия не обладает полноправием в распоряжении собственностью, которая целиком и полностью принадлежит царской семье”³⁶.

И, в результате, А. Л. Юрганов делает вывод: “... Нетрудно заметить, что слово “жаловать” семантически связано со словом “служить” (жалуют тех, кто служит)”³⁷.

²⁸ Симеоновская летопись. С. 144; Рогожский летописец. С. 63.

²⁹ Колесов В.В. Слово и дело: Из истории русских слов. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. — С. 508.

³⁰ Колесов В.В. Слово и дело: Из истории русских слов. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. — С. 508.

³¹ Лотман Ю.М. Еще раз о понятиях «слава» и «честь» в текстах Киевского периода // Труды по знаковым системам. Вып. V. Тарту, 1971. С. 469.

³² Колесов В.В. Слово и дело: Из истории русских слов. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. — С. 368.

³³ Там же. С. 515.

³⁴ Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингисхана. М.: 1997. С. 29; Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС, 1998. С. 160.

³⁵ Петрушевский И.П. К истории института сойургала // Советское востоковедение. М.; Л.: 1949. Т.6. С. 227—246; Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС, 1998. С. 160—161.

³⁶ Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС, 1998. С. 135—136.

³⁷ Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС, 1998. С. 123.

Таким образом, в XIII в. для русской письменной традиции характерно восприятие взаимоотношений русских князей и ордынских ханов как неравноправных, но все же высшего порядка. При этом, как вассалы “царя”, русские князья обладают определенной самостоятельностью во внешней и внутренней политике, а также в распоряжении земельной собственностью (то есть своими княжествами).

Кроме того, книжная традиция рассматривает происходящие явления в традиционных категориях: “честь” связана с материальными проявлениями вассальных отношений. При этом кроме подарков со стороны русских князей подразумевается отдарок от хана. К примеру, описывая поездку в Орду князя Ярослава Ярославича в 1264 г., В. Н. Татищев отмечает: “Егда прииде Ярослав во Орду, и хан прият его с честью, даде ему доспех”³⁸. Вероятно, что в “доспех” входили: колчан, футляр для него, меч, шапка, украшенная драгоценными камнями³⁹. Данное перечисление сохранилось при описании в сокращенной редакции “Сельджукнамэ” Ибн Биби пожалования Бату-ханом власти турецкому султану. Кроме перечисленных выше предметов, как атрибут власти султану был передан и ярлык. Надо полагать, что данные материальные атрибуты власти тесно связаны с древнерусским представлением о “честь”.

При этом власть ордынских ханов, рассматриваемая в категориях древнерусской “честь”, должна была восприниматься как явление преходящее, временное.

Любопытно, что для северо-восточного летописания ханская часть “великая”, “достойная”, “многая”. Тогда как для юго-западного летописца она “злее зла”.

В XIV столетии зависимость русских князей от ордынских ханов воспринимается как служба.

³⁸ Татищев В.Н. История Российская. Т. 5. М.; Л.: 1965. С. 44.

³⁹ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.2. М.; Л.: 1941. С. 25.

Данное положение дел отражает термин “пожаловать”. Причем изменение восприятия статуса русских князей должно было вызвать и изменение оценки земельной собственности: русские княжества должны были рассматриваться как владения хана. Этот вывод подтверждается формулировкой, встречающейся в русских летописях при описании событий 1349 г.: “И слышавъ царь жалобу князя великаго, оже Олгердь съ своею братьею царевъ улусъ, а князя великаго отчину испустошилъ”⁴⁰. То есть русская письменная традиция рассматривала владения великого князя Владимирского и всея Руси хотя и его наследственным владением (отчиной), но при этом данные территории считались улусом ордынского хана. И это утверждение не требовало дополнительных пояснений: такое положение дел для книжника того времени и, вероятно, его читателей было в порядке вещей, привычной и обыденной ситуацией.

Кроме того, по данным Симеоновской летописи мы можем зафиксировать переходный пункт от восприятия зависимости Руси от Орды как “честь” к “пожалованию”. Под 1278 г. авторы или редакторы летописи отмечают: “Тое же зимы в Филипово говеино преставися князь Глебъ Василковичъ Ростовский, живъ отъ рожения своего летъ 41. Сесь отъ уности своея, по нахождении поганыхъ Татаръ и по пленении отъ нихъ Русскыя земля, нача служити имъ...”⁴¹. Здесь появляется термин “служить”, тесно связанный, как показал А.Л. Юрганов, с понятием “жаловать”.

Таким образом, категории “честь” и “жалование” отражают изменение восприятия характера отношений русских князей к ордынской верховной власти. Это, в свою очередь, показывает, по всей вероятности, изменение властных и поземельных взаимоотношений Руси и Орды в пользу усиления собственнических претензий последней на протяжении XIII—XIV столетий.

⁴⁰ Симеоновская летопись.. С. 143

⁴¹ Симеоновская летопись. С. 116.